

Что осталось в нашей жизни, нашей памяти от человека, который появился на свете более 200 лет тому назад? Его имя было впервые доверено бумаге в церковной книге с метрическими записями: «Александр Сергеевич Пушкин». Рос он нелюбимым ребёнком в семье, писать начал рано – первые стихи были написаны по-французски. Росту невысокого – всего 166 сантиметров. Рядом с красавицей-женой Натальей Николаевной, у которой было 172 сантиметра, он выглядел не очень... Поэтому тот монументальный опекушинский Пушкин, который стоит на одноимённой площади в Москве – это скорее проекция на Пушкина нашего уважения, почтения и преклонения. Если дотронуться до его ноги, никаких особых чувств не испытаешь. Монумент – он и есть монумент.

Не хочется повторять всем известное «Пушкин наше всё» или не менее известные слова Гоголя о том, что Пушкин – это русский человек в своем развитии, каким он будет через двести лет. Двести лет прошли, и много ли от Пушкина в нас, людях XXI века? Как ни странно, несмотря на двести лет, нас разделяющих, сохраняется масса примет, подтверждающих живое присутствие Пушкина в нашей жизни. Пушкина можно не только умозреть, но и осязать!

Если сказать о себе, то я впервые побывал в пушкинском Болдине в пятилетней возрасте: родился всего в тридцати километрах, и отец привозил нас в памятное место. Мы купались в пушкинском пруду рядом с горбатым мостиком, и я распорол пузо осколком старинной бутылки... Может, это сам Пушкин стрелял по бутылкам из пистолета, оттачивая прицел. Долгие годы я хранил большой кованый гвоздь из стены дома Бессоновых, в котором поэт останавливался в Арзамасе. Я представлял себе, как Пушкин, стряхнув пыль с дорожной шляпы, вешал её на этот гвоздь...

Я помню, как михайловский патриарх Семён Степанович Гейченко рассказывал нам про свой пушкинский гвоздь. Он участвовал в восстановлении могилы поэта в Святогорском монастыре (её пытались взорвать немцы в годы оккупации) и сохранил гвоздь от гроба поэта. Когда знаменитый композитор Бриттен узнал о гвозде, он пал перед Гейченко на колени и просил отдать гвоздь ему. Гейченко почесал в затылке, вышел во двор, поднял ржавый гвоздик и вручил гостю. Британский композитор хранил реликвию на груди в золотом медальоне...

Я помню звук колокола Святогорского монастыря – того самого, который звучал в ушах Пушкина, и с разрешения монаха сам ударял в литое тело колокола...

Я помню, как старенькая смотрительница Пушкинской квартиры на Мойке в Ленинграде открыла нам флакон от духов Натальи Николаевны и дала понюхать... Запах любимой женщины поэта! Помню, как погладил рукой корешок фолианта из библиотеки Пушкина – это были «Сказки Альгамбры» Вашингтона Ирвинга на французском языке. Отсюда, как доказала Анна Ахматова, Александр Сергеевич почерпнул образ Золотого петушка.

Это прикосновение не осталось без открытия и для меня: оказывается, ещё один образ этой сказки Ирвинга очаровал Михаила Булгакова. Это живые шахматы, в которые играл Воланд на нехорошей квартире... Какая чудная цепь: Ирвинг, Пушкин, Ахматова, Булгаков... Кто следующий?

И ещё одно прикосновение: детские годы Саша Пушкин проводил в сельце Захарово под Москвой. Юный Пушкин любил Захарово. По молодости лет он даже завещал похоронить себя в березняке под Захаровом. Там, на берегу пруда, сохранились три древних липы, посаженные при Пушкине: минут пять стояли мы с другом, обняв дерево, которое, я уверен – до сих помнит курчавого озорного мальчишку.

И, наконец, Крым... Гурзуф... Дом Ришелье, пушкинский кипарис... Священная оливковая роща, откуда юный поэт наблюдал купание nereиды... Скала над генуэзской крепостью, на которой поэт бормотал стихи... Даже сам воздух настоен на пушкинских стихах! Один ученый доказал, что в воздухе Лондона находятся две молекулы того воздуха, которым дышал Шекспир. А что можно сказать о воздухе Гурзуфа, где были Пушкин, Шалапин, Чехов, Коровин!..

В сентябре 1820 года поэт посетил Бахчисарай... Он приехал сюда с приступом лихорадки, которая потом обернулась лихорадкой творческой и любовной. Сочиняя строки о фонта-

не, Пушкин, по собственному его признанию, «суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины». Этот потаённый процесс Пушкин выразил строками из оды французского поэта Андрея Шенье:

*К нежным законам стиха я приноровлял звуки
Её милых и бесхитростных уст.*

До сих пор идёт спор об элегической красавице, питавшей вдохновение Пушкина. Поэт словно нарочно прикрыл туманом тайны имя этой женщины, чтобы предчувствием этой тайны волновались и наши сердца:

*Чью тень, о други, видел я?
Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня,
Неотразимый, неизбежный?*

Сказочно повезло нам, крымчанам, ялтинцам, что пушкинское растворено в нашем воздухе, в нашем море и горах, где «гаснет дневное светило». Нет, пока мы дышим этим воздухом, флюиды великой русской культуре будут жить в нас и заставлять снова и снова повторять бессмертные строки Пушкина: «Нет, весь я не умру...»

А кому-то ведь не повезло! Кому-то не удалось на этом осязательном уровне, на этом молекулярном, генетическом уровне прочувствовать живое дыхание Пушкина. Один литератор-диссидент написал книгу «Прогулки с Пушкиным»: сидел в мордовских лагерях и «выдумывал своего Пушкина». И оказалось, что «его Пушкин» – это чёрная дыра, пустота, из которой в наш мир заглядывает дама с острой косой... Что сущность Пушкина – это безразличие, равнодушие ко всему на свете...

Если же подняться над личными ощущениями и абстрактными домыслами, то Пушкин – это ключевой ген нашей культуры. Из поколения в поколение он передаёт самое главное, самое родовое свойство организма славянской культуры: доброта, милосердие, целомудрие.

Этот ген в древние времена был привит воинственным славянам православной верой. Молодой Пушкин считал себя «афеем», безбожником, писал ёрнические стихи о деве Марии... А потом всё встало на место. Потрясающую историю довелось услышать о том, как поэт пришёл к вере. Это история об

одной из христианских реликвий – ризе Господней. Её получил по жребию один римский воин, участвовавший в действе на Голгофе. Потом частицы ризы попали в Россию, и предполагают, что одна из них хранилась в семье Пушкиных...

Может быть, это апокриф. Но если вокруг имени поэта в народе создаётся такая аура – это не случайно. Народ осознаёт сердцем, что святыми могут быть не только молитвенники и заговорники. Это и князья – воины, защитники Отечества, и поэты, тем более – поэты-великомученики. Хотел бы закончить молитвой Ефрема Сирина, переложенной на стихи Александром Сергеевичем Пушкиным.

*Отцы пустынники и жёны непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Все чаще мне приходит на уста
И падшего крепит невидимую силой:
«Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Поэт повторял молитву во дни душевных смятений. Да хранит Господь и нас с вами...